

Балашова Е.Ю. О судьбе некоторых понятий культурно-исторической теории развития психики Л.С.Выготского в нейропсихологии А.Р.Лурии: логика и парадоксы изменений

БАЛАШОВА Е.Ю. О СУДЬБЕ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ Л.С.ВЫГОТСКОГО В НЕЙРОПСИХОЛОГИИ А.Р..ЛУРИИ: ЛОГИКА И ПАРАДОКСЫ ИЗМЕНЕНИЙ

English version: [The fate of some concepts of L.S.Vygotsky cultural-historical theory of mental development in A.R.Luria neuropsychology: the logic and paradoxes of changes](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Научный центр психического здоровья, Москва, Россия

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Обсуждается проблема использования в луриевской нейропсихологии некоторых понятий культурно-исторической теории развития психики Л.С.Выготского, в частности, понятия о высших психических функциях. Рассматриваются сложные связи смыслового наполнения этого понятия с развертыванием нейропсихологических исследований роли глубинных подкорковых структур и правого полушария мозга в реализации психической деятельности. Специальное внимание уделяется возможностям и ограничениям использования понятия о высших психических функциях в нейропсихологии детского возраста и в нейропсихологии индивидуальных различий.

Ключевые слова: культурно-историческая теория развития психики, нейропсихология, психическая функция, локализация, кора головного мозга, подкорковые структуры, память

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что возникновение и поступательное развитие луриевской нейропсихологии стало возможным во многом благодаря Л.С.Выготскому и созданной им теории культурно-исторического развития психики. Влияние идей Л.С.Выготского на жизнь и научное творчество А.Р.Лурии нельзя недооценивать.

Психологам и историкам науки хорошо известен факт тесного сотрудничества Л.С.Выготского и А.Р.Лурии во время их совместной работы в Психологическом институте с середины 20-х до начала 30-х гг. XX столетия. В автобиографической книге «Этапы пройденного пути», написанной уже в конце жизни и изданной на русском языке в 1982 году, Александр Романович посвящает целую главу подробному хронологическому описанию своей работы с Л.С.Выготским [Лурия, 1988]. Более того, и в других главах этой книги (например, в главах «Культурные различия и интеллектуальная деятельность» и «Поражения мозга») он постоянно соотносит логику и результаты проводимых экспериментальных исследований с идеями Л.С.Выготского. А.Г.Асмолов в своем выступлении на I Международной конференции памяти А.Р.Лурии (Москва, 1997 год) сказал: «Лурия выступает как творец полифонического романа – культурно-исторической

психологии, создававшейся им вместе с Л.С.Выготским и другими психологами» [Асмолов, 1998, с. 5].

В фундаментальной монографии А.Р.Лурии по нейропсихологии «Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга», первое издание которой увидело свет в 1962 г., мы находим много ссылок на идеи Л.С.Выготского. Его имя упоминается там более 20 раз. Современный читатель, пожалуй, и не почувствует, каким личным мужеством надо было в то время обладать, чтобы открыто сослаться на работы ученого, взгляды которого были сурово осуждены в середине 30-х гг. партийными постановлениями и находились с тех пор фактически под запретом. Заслуживает специального упоминания тот факт, что в конце предисловия к этой книге Александр Романович пишет о том, что именно вместе с Л.С.Выготским им были впервые предприняты нейропсихологические исследования. «Первые шаги в клиничко-психологическом исследовании локальных поражений мозга были сделаны автором еще больше 30 лет назад вместе с его другом и учителем Л.С.Выготским; поэтому многое, что будет излагаться в дальнейшем, может рассматриваться как продолжение его идей и должно быть посвящено его памяти» [Лурия, 1962, с. 4]. В «Этапах пройденного пути» А.Р.Лурия пишет: «В середине 20-х гг. Л.С.Выготский впервые предположил, что исследование локальных поражений мозга может быть очень плодотворным для анализа высших психических процессов. В то время ни структура самих высших психических процессов, ни функциональная организация мозга не были достаточно изучены» [Лурия, 1982, с. 110].

Безусловно, опора на идеи Л.С.Выготского (точнее, глубокая интериоризация этих идей, «сотворчество» в их бытии – вспомним приведенные выше слова А.Г.Асмолова!) позволила А.Р.Лурии реализовать воистину революционный переворот во взглядах на то, чем являются по своей глубинной сути психические функции человека и их мозговая организация.

Мои комментарии, над которыми я предлагаю читателям поразмышлять, касаются, в первую очередь, понимания Л.С.Выготским и А.Р.Лурией того, что такое психическая функция. На 29-й странице «Высших корковых функций» А.Р.Лурия пишет: «Высшие психические функции человека с точки зрения современной психологии представляют собой сложные рефлекторные процессы, социальные по своему происхождению, опосредованные по своему строению и сознательные, произвольные по способу своего функционирования». Нам с вами должны быть особенно интересны те изменения, которые происходили в отношении к этому определению в течение последних 50 лет. Так что, в известном смысле, у темы моей статьи может быть и шуточный подзаголовок: «Приключения высшей психической функции в стране «Нейропсихология».

Уже в первой части «Высших корковых функций» читатель сталкивается с тем, что автор использует два термина: «высшие корковые функции» и «высшие психические функции». Зачем? На мой взгляд, возможны по крайней мере три объяснения, которые, кстати, не являются взаимоисключающими. Первое: А.Р.Лурия ставит перед собой цель «вписать» понятие высшей психической функции в нейропсихологический контекст. Второе: он считает, что приоритетную роль в церебральном обеспечении работы психики играет кора мозга. В начале 60-х гг. такое мнение представляется вполне обоснованным: пока нейропсихологии почти ничего не известно о роли различных глубинных подкорковых структур в психических процессах. Третье: он немного колеблется в выборе между двумя понятиями и размышляет, какое из них он будет использовать в дальнейшем. Или ситуация выбора – мой вымысел? Возможно, Александр Романович сознательно употребляет оба термина. Когда он говорит о высших корковых функциях, акцент явно ставится на мозговую организацию. А вот в понятии о высших психических функциях главное – психологическое строение, происхождение, способ и уровень реализации. Невольно вспоминаются слова о том, что клинический психолог становится профессионалом только тогда, когда приобретает способность чувствовать и понимать сложную мотивацию. Если набраться дерзости и попытаться представить себе мотивацию Александра Романовича, то допустимо предположить, что вся его жизнь была посвящена не только научным исследованиям, но и постоянным увлеченным

поискам слов, понятий, которые смогут максимально точно и образно обозначить сложнейшие реальности теории, методологии, феноменологии нейропсихологии.

Возможно, потребность в таком поиске отличала не только А.Р.Лурию, но и других выдающихся психологов той эпохи. Вспомним в этой связи один любопытный факт – в 1931 году Государственным учебно-педагогическим издательством была опубликована книга А.Н.Леонтьева «Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций» (кстати, с предисловием Л.С.Выготского). В отечественной традиции прилагательное «психологические» как-то не прижилось, но спустя десятилетия оно встречается нам в Международной классификации болезней: в ней среди психических и поведенческих расстройств упоминаются «нарушения психологического развития».

Итак, вернемся к магистральной теме нашего анализа. Подчеркнем, что в этот период (приблизительно до середины 60-х гг.) лурьевская нейропсихология изучает в основном синдромы поражения различных отделов мозговой коры: височных, затылочных, затылочно-теменных, сенсомоторных, лобных.

Но во второй половине 60-х гг. происходит решительный переворот. А.Р.Лурия, его аспиранты и коллеги обращаются к интенсивным комплексным исследованиям нарушений памяти. Вспомним, что в предшествующий период изучались в основном нарушения памяти как мнестической деятельности (так называемых высших форм памяти) при поражениях лобных долей, возникающие как результат дефицита мотивации, произвольной регуляции, контроля, как результат невозможности использования опосредующих запоминание приемов и стратегий [Лурия, 1962]. И вот, в новых исследованиях обнаруживается удивительный факт. Оказывается, что грубейшие нарушения памяти типа амнестического синдрома, возникающие вследствие патологической тормозимости следов интерферирующими воздействиями, дефицита их консолидации и избирательной актуализации, могут наблюдаться при поражениях срединных структур мозга. А они включают не только медио-базальные отделы коры лобных и височных долей, но и глубинные подкорковые образования [Киященко, 1973; Лурия, 1974, 1976; Киященко и др., 1975].

Это знаковое событие приводит к постепенному отказу от термина «высшие корковые функции», который в современной нейропсихологии практически не употребляется. Мои коллеги предпочитают думать, что любая психическая функция имеет вертикальную (т.е. корково-подкорковую) организацию. Более того, иногда поражения подкорковых структур вызывают не менее грубые расстройства, чем поражения мозговой коры. В качестве примера можно упомянуть такие функции, как динамический праксис, гнозис ритмов (оценку и воспроизведение ритмических структур разной сложности), восприятие времени.

А до появления первой небольшой книги, специально посвященной роли подкорковых структур мозга в психических процессах, пройдет еще более десяти лет [Корсакова, Московичюте, 1985]. Интерес к ним не ослабевает и до настоящего времени: он касается и вклада субкортикальных образований в «энергетическое» обеспечение психической деятельности, в работу памяти, произвольных движений, внимания, аффективной сферы, и их роли в патогенезе неврологических и психических заболеваний, и функциональной специализации различных подкорковых структур [Корсакова и др., 1991; Буклина, 2016; Балашова, 2016].

Итак, А.Р.Лурия делает вполне обоснованный выбор в пользу термина Л.С.Выготского; и в дальнейшем он предпочитает говорить о высших психических функциях. Этот термин вполне органично «звучит» в его нейропсихологии, изучающей последствия локальных поражений мозга у взрослых.

Однако в начале и, особенно, в середине 70-х гг. начинает отчетливо обозначаться интерес отечественных нейропсихологов к правому полушарию и, соответственно, к проблеме функциональной асимметрии мозга. Они существенно отстают здесь от зарубежных коллег. В чем

возможные причины такого запаздывания? Их необходимо обсудить подробнее, поскольку они имеют хоть и косвенное, но довольно значимое отношение к обсуждаемой проблеме.

Видимо, одним из важных личностных качеств А.Р.Лурии как ученого было умение «строить» иерархию своих научных интересов, определять в них главное и второстепенное. Задачи, казавшиеся ему не очень важными или актуальными, он сознательно отодвигал в область будущего. Иногда весьма отдаленного будущего, даже не своего, а своих учеников. Может быть, это было смещение не только в другое время, но и в другое пространство – вне сферы личных научных интересов. Вероятно, одной из таких задач было для А.Р.Лурии изучение функциональной асимметрии мозга. В уже неоднократно упомянутой монографии «Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга» (1962) он посвящает так называемому субдоминантному полушарию относительно небольшой раздел (с. 75–79). Раздел, кстати, весьма информационно насыщенный. В нем глубоко анализируется мозговая организация речевой функции; выдвигаются аргументы в пользу приоритетной роли левого полушария в речевых процессах и, вместе с тем, о связи некоторых аспектов речи (например, «элементарных функций автоматизированной речи») с правым полушарием мозга. А.Р.Лурия упоминает в этом разделе данные зарубежных авторов о возможном доминировании правого полушария в восприятии музыки, в тактильном гнозисе, в сенсомоторных функциях. И вдруг (если допустить, что в науке что-то случается «вдруг») в конце раздела читаем несколько жестких фраз: «Легко видеть, что недостаточность наших знаний в отношении степени доминантности полушарий у разных лиц в отношении разных функций создает значительные затруднения при клиническом исследовании больных с локальными поражениями головного мозга. Поэтому некоторые важные вопросы могут сейчас решаться лишь в первом приближении... В данной книге мы сознательно оставляем все эти проблемы вне нашего рассмотрения, сохраняя уверенность, что при накоплении нужных знаний их решение будет возможно» [Лурия, 1962, с. 79]. И эта установка последовательно реализуется на протяжении всей книги: в ней речь идет только о локализации функций, и нет ни слова об их латерализации, об особых симптомах, возникающих при поражениях симметричных зон правого или левого полушария.

Десять лет спустя выходит в свет новая фундаментальная монография А.Р.Лурии «Основы нейропсихологии» [Лурия, 1973]. И установка в основном остается прежней: правому полушарию посвящена лишь часть небольшой главы (около 6 страниц). При этом объем книги составляет 373 страницы. Но при внимательном чтении мы обращаем внимание на то, что существенно расширился список цитируемых зарубежных авторов. Более того, появились упоминания посвященных правому полушарию новых исследований отечественных нейропсихологов: В.И.Корчажинской, Е.П.Кок, Л.Г.Членова, Э.С.Бейн, Э.Г.Симерницкой и др.

Исследования правого полушария открывают нейропсихологам огромный пласт знаний о его роли в реализации различных психических процессов и, вместе с тем, преподносят ученым очередные сюрпризы. Например, обнаруживают связь правого полушария с произвольным запоминанием [Симерницкая, 1978]. Закономерно возникает вопрос: можно ли считать произвольное запоминание высшей психической функцией? И вообще, каков удельный вес произвольности и осознанности в работе памяти? Размышляя над этими проблемами, психологи обнаруживают, что далеко не все этапы и уровни памяти взрослого человека доступны осознанной рефлексии и произвольному контролю (особенно это относится к этапу хранения информации). В процессе хранения следов в памяти с ними происходит столько таинственных трансформаций, что даже обычных людей, не страдающих никакими мозговыми дисфункциями, должны удивлять скорее случаи правильного припоминания, чем многообразные парамнезии, ошибки и неточности памяти. Да и в самой понятной (вроде бы!) ситуации произвольного опосредованного запоминания (например, при выполнении методики пиктограммы), оказывается, столько запоминается произвольно, что слова о «господстве над памятью» начинают казаться поэтическим преувеличением. А забывание? Известен ли вам, уважаемые читатели, хоть один человек, которому удалось что-нибудь произвольно и осознанно забыть? Наверное, нет. То, что мы сказали сейчас о памяти, вполне применимо и к другим психическим процессам, например, к пространственному

восприятию. Являются ли произвольными, сознательно контролируруемыми феноменами целостность, simultанность восприятия зрительного пространства или вектор его сканирования? Так нейропсихологические исследования правого полушария мозга побуждают нас к осторожному и продуманному использованию понятия о высших психических функциях. А мышление? Кстати, именно у пациентов с дисфункциями передних отделов правого полушария автору статьи неоднократно доводилось наблюдать следующий феномен. Они быстро и правильно давали ответ на предлагаемые нейропсихологом арифметические задачи, но совершенно не могли рассказать, как они их решали, какие действия выполняли и в какой последовательности. Самой частой реакцией была следующая: «Не знаю, просто догадался!» Подобный дефицит осознанной рефлексии по поводу структуры и динамики собственной интеллектуальной деятельности, вероятно, связан с нарушениями произвольного запоминания хода решения или, пользуясь термином западных исследователей, с нарушениями рабочей памяти. Этот клинический факт, безусловно, должен заставить читателя вспомнить об одном из принципиальных механизмов, детерминирующих работу психики (как в культурно-исторической теории Л.С.Выготского, так и в теории системной динамической локализации психических функций А.Р.Лурии) – о межфункциональном взаимодействии. А восприятие времени? Луриевская нейропсихология обращала мало внимания на эту сферу психики, но современные исследования обнаруживают в ней множество слагаемых, с трудом поддающихся осознанию, рефлексии, произвольной регуляции (или не подвластных им вообще) [Балашова, 2014; Балашова, Микеладзе, 2013, 2015]. Кажется, если бы сегодня мы могли принять участие в «сотворчестве» приведенного выше определения высших психических функций, то последняя часть этого определения звучала бы менее категорично. Возможно, она ограничилась бы утверждением о том, что некоторые компоненты (этапы, уровни) этих процессов могут становиться при определенных условиях «сознательными и произвольными по способу своего функционирования».

В первой половине 80-х гг., уже после смерти А.Р.Лурии, стартует развитие еще нескольких важных для темы нашего разговора направлений нейропсихологической науки. Речь идет, прежде всего, о нейропсихологии детского возраста [Симерницкая, 1985]. При обращении к изучению мозговой организации психических процессов в детском возрасте, к изучению возрастных особенностей их нарушений при локальных или диффузных поражениях мозга закономерно возникает вопрос о том, можно ли использовать в контексте таких исследований понятие о высших психических функциях? Ответ на этот вопрос немислим без понимания того, что такое высшая психическая функция – процесс или результат? В цитате из книги А.Р.Лурии «Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга», которую мы привели в начале статьи, дано в большей степени «результативное» определение. Но в самом слове «функция» всегда присутствует смысловой оттенок динамичности, изменчивости, развертывания, развития. Если именно он станет для нас главным, то понятие «высшая психическая функция» окажется вполне подходящим к описанию психических процессов ребенка. Однако любой процесс имеет начало. И мы снова сталкиваемся с очередной непростой проблемой. Когда, на каком этапе раннего онтогенеза тот или иной психический процесс превращается в высшую психическую функцию? При этом не будем забывать об очевидных гетерохронности, гетеротопности и гетеродинамичности таких превращений. Само по себе возникновение такого «веера» вопросов неоспоримо свидетельствует о том, что использование термина «высшие психические функции» применительно к детскому возрасту представляется весьма проблематичным. Тем не менее у некоторых наших студентов и даже аспирантов иногда возникает желание исследовать, например, нарушения высших психических функций при локальных поражениях мозга у детей младшего школьного возраста или даже индивидуальные различия в сфере праксиса (читатель помнит, конечно, что праксис – это произвольные движения и действия!) у детей полутора-двух лет. Подобные попытки формулировки тем дипломных или аспирантских работ всегда вызывают в среде профессиональных нейропсихологов оживленную дискуссию. И чаще всего результатом такой дискуссии становится мнение о том, что будет корректнее ограничиться более нейтральным термином и говорить просто о психических функциях или психических процессах.

Другое направление, возникшее вскоре после нейропсихологии детского возраста (прежде всего,

благодаря активности Е.Д.Хомской), – это нейропсихология индивидуальных различий [Хомская и др., 1997, 2011]. Оно подтолкнуло многих нейропсихологов к исследованиям мозговой организации психических процессов в норме. В предисловии ко второму изданию книги «Нейропсихология индивидуальных различий» (2011) И.В.Ефимова, Е.В.Будыка, Е.В.Ениколопова пишут: «В качестве основы для типологии индивидуальных различий психики здоровых людей были избраны закономерности межполушарной асимметрии и межполушарного взаимодействия. Классификация людей по типам межполушарных отношений, как показали исследования, оказалась и классификацией людей по особенностям двигательной, познавательной, эмоциональной сфер» [Хомская и др., 2011, с. 3–4]. В настоящее время в центре нейропсихологических исследований индивидуальных различий находятся многообразные варианты латеральной организации психических функций, паттернов сенсорных и моторных асимметрий. Это научное направление изучает роль межполушарной асимметрии мозга в обеспечении динамических характеристик и операционального состава произвольных движений и познавательных процессов, в функционировании эмоционально-личностной сферы, в складывании объективных и субъективных показателей здоровья, в успешности спортивной деятельности [Хомская и др., 2011]. Но представляется, что у нейропсихологии индивидуальных различий есть еще один важный аспект, который пока разработан явно недостаточно. Речь идет об индивидуальных различиях в качестве и степени сформированности психических функций, о широком спектре мозговых, средовых и социокультурных факторов, детерминирующих характер складывания и функционирования того или иного психического процесса. И исследования в этом направлении демонстрируют нам, что у ряда вполне психически здоровых взрослых субъектов уровень развития некоторых психических функций отнюдь не достигает таких значений, чтобы они могли с полным основанием именоваться «высшими». Такие данные были получены, например, относительно ряда оптико-пространственных функций [Сурнов и др., 2007], некоторых видов тактильного гнозиса, восприятия времени, динамического праксиса, речевых и регуляторных функций. Приведу только один пример. На одном из зданий недалеко от Психологического института РАО недавно была размещена мемориальная доска. И на ней надпись, золотом по мрамору или граниту (процитирую для экономии времени только ее начало и конец): «В этом доме жил и умер мировой ученый ... Климент Аркадьевич Тимирязев». Можно ли назвать письменную речь автора данной надписи высшей психической функцией? Как-то язык не поворачивается. Или мы не должны даже пытаться ассоциировать прилагательное «высшая» с идеей об оптимальной сформированности психической функции?

Завершая статью, я должна извиниться перед читателями за то, что в ней оказалось больше вопросов, чем ответов. И, конечно, мы осветили далеко не все аспекты заявленной темы. Например, вне нашего рассмотрения осталась разработка А.Р.Лурией представлений о системности строения психических функций. Обдумывая эту проблему, А.Р.Лурия опирается не только на идеи Л.С.Выготского, но и на работы своих выдающихся современников-физиологов – П.К.Анохина и Н.А.Бернштейна. И получается удивительный по красоте и исследовательскому потенциалу полидисциплинарный синтез психологического и физиологического подходов. Этот синтез создает многомерный «портрет» психической функции как функциональной системы, который предполагает не только наличие в ее структуре множества звеньев. Ведь идеи о компонентном строении некоторых психических функций высказывались еще учеными XX столетия. Уже первые открытия речевых зон мозга П.Брока и К.Вернике указывают на присутствие как минимум «моторных» и «сенсорных» «центров» речи. Он «рисует» также обязательное присутствие разнонаправленных связей между этими звеньями; возможность определения их иерархии; работу по принципу «обратной связи»; включенность одного звена в структуру разных психических функций. Возможно, именно эта проблема станет предметом нашего следующего разговора.

И еще одно. Восприятие нашими современниками луриевской нейропсихологии не должно и не может оставаться в границах заданных клише и шаблонов. К работам А.Р.Лурии нельзя подходить с формальных позиций. Понимание и «переживание» этих работ думающим читателем всегда индивидуально и субъективно. И иногда профессиональные психологи не соглашаются друг с другом по поводу того или иного аспекта идей или текстов А.Р.Лурии. Приведу один пример. Вот буквальная цитата из доклада А.В.Брушлинского «Разрабатывал ли А.Р.Лурия проблему

деятельности?»), сделанного на I Международной конференции памяти А.Р.Лурии (Москва, 1997 год). «Таким образом, по крайней мере в некоторых случаях, например в книге 1974 г. и в статье 1940 г., Лурия переходил на позиции деятельностного подхода» [Брушлинский, 1998, с. 13]. Подобная точка зрения представляется мне очень странной. Разве теория системной динамической локализации психических функций и концепция о трех структурно-функциональных блоках мозга, в которых доказательно продемонстрированы различия в мозговой организации отдельных когнитивных операций и произвольной регуляции, мотивации, целеполагания, не является разработкой теории деятельности на клинических моделях?

Но в одном я почти уверена. Дальнейшее развитие отечественной нейропсихологии будет состоять не только в поиске новых клинических моделей нейропсихологических исследований, не только в применении новых методов нейропсихологической диагностики, не только в получении новых эмпирических данных, но и в открытии новых ракурсов, новых смыслов в базисных понятиях этой «романтической науки».

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

Литература

Асмолов А.Г. Мир А.Р.Лурии и культурно-историческая психология. В кн.: Е.Д. Хомская, Т.В. Ахутина (Ред.), I Международная конференция памяти А.Р.Лурии. Сборник докладов. М.: Моск. гос. университет, Российское психологическое общество, 1998. С. 5–7.

Балашова Е.Ю. Методология клинико-психологического исследования репрезентаций пространства и времени при старении: возможности и ограничения. Психологические исследования, 2014, 7(36), 11. <http://psystudy.ru>.

Балашова Е.Ю. Нейропсихологическая оценка дисфункции подкорковых структур мозга при депрессиях позднего возраста и возможности реабилитации. Избранные вопросы нейрореабилитации. В кн.: Г.Е. Иванова, Ю.П. Стаховская, Ю.П. Зинченко (Ред.), Материалы VIII Международного Конгресса «Нейрореабилитация-2016» 8–10 июля 2016 года. М.: НАБИ, 2016. С. 27–29.

Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И. Возрастные различия в восприятии и переживании времени. Психологические исследования, 2013, 6(30), 9. <http://psystudy.ru>.

Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И. Особенности временной перспективы при нормальном старении и депрессиях позднего возраста. Психологические исследования, 2015, 8(39), 3. <http://psystudy.ru>.

Брушлинский А.В. Разрабатывал ли А.Р.Лурия проблему деятельности? В кн.: Е.Д. Хомская, Т.В. Ахутина (Ред.), I Международная конференция памяти А.Р.Лурии. Сборник докладов. М.: Моск. гос. университет, Российское психологическое общество, 1998. С. 8–14.

Буклина С.Б. Нарушения высших психических функций при поражении глубинных и ствольных структур мозга. М.: Медпресс-информ, 2016.

Киященко Н.К. Нарушения памяти при локальных поражениях мозга. М.: Моск. гос. университет, 1973.

Киященко Н.К., Московичюте Л.И., Симерницкая Э.Г., Фаллер Т.О., Филиппычева Н.А. Мозг и

память. М.: Моск. гос. университет, 1975.

Корсакова Н.К., Медведев А.В., Балашова Е.Ю., Щербакова Н.П., Вавилов С.Б., Сукиасян С.Г. Роль подкорковых структур мозга в формировании симптомов нарушений психических функций при сосудистой деменции. В кн.: А.Н. Лебедев (Ред.), Актуальные проблемы психофизиологии и нейропсихологии. М.: ИПАН, 1991. С. 151–162.

Корсакова Н.К., Московичюте Л.И. Подкорковые структуры мозга и психические процессы. М.: Моск. гос. университет, 1985.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Моск. гос. университет, 1962.

Лурия А.Р. Нейропсихология памяти. М.: Педагогика, 1974, 1976.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Моск. гос. университет, 1973.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982.

Симерницкая Э.Г. Доминантность полушарий. М.: Моск. гос. университет, 1978.

Симерницкая Э.Г. Мозг человека и психические процессы в онтогенезе. М.: Моск. гос. университет, 1985.

Сурнов К.Г., Балашова Е.Ю., Ковязина М.С., Портнова Г.В. Часы как предмет культуры: попытка психологического анализа. Вопросы психологии, 2007, № 3, 99–106.

Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В., Ениколопова Е.В. Нейропсихология индивидуальных различий. М.: Российское педагогическое агентство, 1997.

Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В., Ениколопова Е.В. Нейропсихология индивидуальных различий. М.: Академия, 2011.

Поступила в редакцию 29 апреля 2016 г. Дата публикации: 20 августа 2016 г.

[Сведения об авторе](#)

Балашова Елена Юрьевна. Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия; старший научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; старший научный сотрудник, отдел медицинской психологии, Научный центр психического здоровья, Каширское шоссе, д. 34, 115522 Москва, Россия; старший научный сотрудник, лаборатория психологии личности, факультет психологии Московского государственного областного университета, ул. Радио, д. 10А, 105005 Москва, Россия. E-mail: elbalashova@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Балашова Е. Ю. О судьбе некоторых понятий культурно-исторической теории развития психики Л.С.Выготского в нейропсихологии А.Р.Лурии: логика и парадоксы изменений. Психологические исследования, 2016, 9(48), 6. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Балашова Е. Ю. О судьбе некоторых понятий культурно-исторической теории развития психики Л.С.Выготского в нейропсихологии А.Р.Лурии: логика и парадоксы изменений // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 48. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).
[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1308-balashova48.html>

[К началу страницы >>](#)